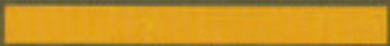

Центральная Азия: взгляд из Вашингтона, Москвы и Пекина

*Евгений Румер
Дмитрий Тренин
Хуашен Чжао*

Дмитрий Тренин

**Центральная Азия: взгляд из
Вашингтона, Москвы и Пекина**

«Новое издательство»

2008

Тренин Д. В.

Центральная Азия: взгляд из Вашингтона, Москвы и Пекина /
Д. В. Тренин — «Новое издательство», 2008

Распад Советского Союза в декабре 1991 года навсегда и самым радикальным образом преобразил политический ландшафт Центральной Азии. В этом регионе с населением 50 млн, граничащем с Российской Федерацией и Афганистаном, Ираном и Китаем, расположены пять суверенных государств: Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан. О сегодняшнем месте и перспективах Центральной Азии на арене мировой политики в настоящей книге рассуждают ведущие эксперты по Центрально-Азиатскому региону из США, Китая и России. Мнения, высказанные в настоящей книге, отражают исключительно взгляды авторов и не обязательно отражают взгляды Фонда мира им. Сасакавы. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

© Тренин Д. В., 2008

© Новое издательство, 2008

Содержание

От авторов	5
Введение	6
Постимперские вызовы	7
Имперское наследие	9
Открытие Центральной Азии	11
Ислам и политика	14
Перспективы диктаторских режимов	15
Пекин и Москва: настоящее против будущего	16
О статьях	18
Примечания	22
I	23
После конца истории	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Евгений Румер, Дмитрий Тренин, Хуашен Чжао Центральная Азия: взгляд из Вашингтона, Москвы и Пекина

От авторов

Настоящий том, как и предыдущие книги этой серии, публикуемые первоначально на английском языке издательством M.E. Sharpe под общей редакцией д-ра Бориса Румера, был написан в рамках долгосрочного проекта изучения постсоветского развития стран Центральной Азии и Южного Кавказа, финансируемого Фондом мира им. Сасакавы, ведущей японской неправительственной организацией, спонсирующей изучение международных отношений. Авторы выражают свою признательность Фонду, в особенности д-ру Акире Ирияме, д-ру Акинори Секи и д-ру Лау Сим Йи, которые приняли существенное участие в организации проекта и участвовали в соответствующих конференциях и семинарах. Мы искренне благодарны опытным работникам издательства M.E. Sharpe, а в особенности его вице-президенту и главному редактору Патриции Колб, которая курировала этот издательский проект по поручению Фонда мира им. Сасакавы.

Раджан Менон – профессор международных отношений в университете Лихай (Вифлеем, шт. Пенсильвания) и научный сотрудник фонда «Новая Америка» (New America Foundation).

Евгений Румер – старший научный сотрудник Института национальных стратегических исследований при министерстве обороны США.

Дмитрий Тренин – заместитель директора Московского Центра Карнеги и старший научный сотрудник Фонда Карнеги за международный мир.

Хуашен Чжао – старший научный сотрудник и директор Центра русских и центрально-азиатских исследований и Исследовательского центра Шанхайской организации сотрудничества при университете Фудан (Шанхай).

Введение

Центральная Азия в XXI веке

Раджан Менон

Распад Советского Союза в декабре 1991 г. навсегда и самым радикальным образом преобразил политический ландшафт Центральной Азии. В этом регионе с населением 50 млн, граничащем с Российской Федерацией и Афганистаном, Ираном и Китаем, расположены пять суверенных государств: Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан. Все эти страны, кроме Таджикистана, по языку и культуре являются тюркскими, тогда как последний в этих отношениях близок к Ирану. После довольно длительного пребывания в составе Российской империи эти страны были неожиданно – и явно вопреки желаниям и ожиданиям коммунистических функционеров, управлявших номинально автономными республиками бывшего СССР, – извергнуты на арену мировой политики.

Постимперские вызовы

Новые лидеры мгновенно столкнулись с вопросами космического масштаба, к решению которых они не готовились. Среди них были следующие. Какой должна быть форма правления в новых странах и какие институциональные механизмы смогут обеспечить выбор и реализацию политики, а также выживание режима? В каких отношениях должны находиться между собой граждане и государство, в частности в вопросе о народном представительстве и подотчетности властей? Каким образом преобразовать советскую экономику, чтобы получить систему рынков и частной собственности (иными словами, капитализм), но при этом не допустить хаоса и экономических трудностей, способных породить массовое недовольство? Какой должна быть политика в области языка, культуры, историографии и гражданства, чтобы на ее основе смогла сформироваться новая постсоветская национальная общность, в которой нашлось бы достойное место для этнических меньшинств, в особенности для русских и других славянских народностей, образующих значительную долю населения в Киргизии и Казахстане? Какой должна быть роль ислама в этой исторически исламской части мира? Точнее говоря, как сделать неизбежно усиливающуюся религиозность частью национальной культуры, но не допустить при этом развития религиозно-политического радикализма? Какие принципы должны лежать в основе внешней политики? В частности, как сочетать сохранение связей с Россией, рассматривающей Центральную Азию как свою сферу влияния, с уменьшением зависимости от нее и развитием связей с другими государствами и международными организациями?

При всем многообразии конкретных условий те же самые мучительные вопросы относительно государственного строительства, национальной идентичности, управления государством и экономикой стояли не только перед центральноазиатскими, но и перед всеми новыми государствами. Разница только в том, что на Западе, например, процесс этот был постепенным и растянулся на века, хотя и при этом не обошелся без разрушений и насилия (возьмите, скажем, огораживание в Англии, Французскую революцию и Гражданскую войну в Америке). Страны Центральной Азии оказались в совершенно иной ситуации. История обделила их шансами на постепенность: все основные исторические задачи предстояло решать быстро и одновременно. В этом отношении они были похожи на страны Азии и Африки, возникшие после Второй мировой войны в результате распада европейских колониальных империй. Но в Индии, например, колониальная администрация создала основу для строительства нового государства. Там не было необходимости в том, чтобы создавать новый экономический порядок с нуля.

В Центральной Азии единовременное решение разнообразных задач по созданию государства и национальному строительству сталкивалось с той особой трудностью, что успех на одном направлении порой затруднял продвижение в других областях. Например, переход от социалистической командной экономики к рыночной может сопровождаться разрывом старых хозяйственных связей, что повышает риск дестабилизации. А сопутствующее перераспределение богатства и власти (характерное для быстрых экономических изменений) может стать препятствием для сплочения общества, опирающегося на гармоничное сотрудничество разных этнических групп. Аналогичным образом, созидание новой национальной общности, основанной на истории и культурных ценностях основной нации, может вызвать у национальных меньшинств чувство страха и изолированности, и усугублению ситуации может способствовать что угодно – от историографии до переименования улиц и городов, потому что изменению подвергается даже прошлое, питающее самосознание народа. Есть еще одно обстоятельство, делающее эти грандиозные задачи еще более пугающими. Не существует учебников или теорий того, как осуществлять политическое и хозяйственное строительство на обломках социалистического порядка. Марксистские интеллектуалы написали массу книг с предсказанием того, как на

развалинах капитализма будет созидаться социализм, но никто не позаботился написать толковую книжку об обратной ситуации, с которой столкнулись лидеры постсоветских государств.

Можно уверенно утверждать, что президенты центральноазиатских стран, бывшие прежде функционерами коммунистической партии, никогда не тратили времени на размышление о подобных проблемах, а потому оказались к ним совершенно не подготовленными. Их образование, жизненный опыт и политические навыки были ориентированы на жизнь в Советской империи, а не на управление суверенными государствами. Но история, не заботящаяся о графиках и нашей неподготовленности к переменам, поставила лидеров центральноазиатских стран перед фактом независимости, к которой те, возможно, и не стремились и заведомо не были готовы. Можно допустить, что население в целом было настроено иначе – хотя даже это спорно, поскольку мы не располагаем соответствующими свидетельствами, – и многие рядовые граждане новых государств были рады независимости. Но и они вряд ли намного лучше своих лидеров понимали, что с ней делать, а многие столкнулись с тем, что их жизнь стала беднее и менее защищенной, чем в советское время, что и стало причиной ностальгических переживаний. В общем, в начале 1992 г. жители Центральной Азии оказались в ситуации политического и экономического безвластия, и никто в руководстве этих стран не знал, что следует делать.

Имперское наследие

Одной из важных причин этой неподготовленности была сама история. С того момента, как в конце XIX в. царская Россия завершила покорение Центральной Азии, и до развала СССР этот регион являлся частью двух империй – Романовых и большевиков. Хотя империи использовали разные средства для контроля над Центральной Азией, да и цели этого контроля у них были разные (скажем, советский режим использовал методы социальной инженерии в куда большей степени, чем могли себе позволить или просто захотеть Романовы), но у них был один общий знаменатель. Как и во всех других имперских структурах, вертикальные связи между метрополией (Санкт-Петербургом при царях и Москвой при комиссарах) и центральноазиатской периферией вытесняли и даже препятствовали возникновению горизонтальных связей между периферийными структурами, не говоря уж о связях между ними и российской провинцией. Как показал Александр Мотыль, эта асимметричность представляет собой определяющую структурную черту империй, позволяющую осуществлять повседневное руководство и контроль без обращения к силе, а просто за счет включения периферийных элит в состав имперских властных структур. (К тому же использование силы не только обходится дорого, потому что влечет за собой перемещение войск и длительное содержание их в полевых условиях, но и чревато риском обратной реакции¹.) Связывающие периферию и метрополию вертикальные связи охватывают целый спектр взаимодействий: политические и экономические отношения, транспорт (железнодорожный, водный и воздушный), информационные каналы, обмен в области культуры и образования. Империя управляла политической жизнью периферии на собственных условиях, а при необходимости обращалась к силовому давлению, не особо заботясь о благосостоянии подвластного населения. Можно смело утверждать, что подобная система не являлась идеальной тренировочной площадкой для периферийных элит, которым после стремительного и неожиданного краха империи пришлось взять на себя управление независимыми государствами.

Эта соединявшая север и юг имперская структура просуществовала более столетия, рухнула, и очень маловероятно, что ее когда-либо удастся восстановить. Если оставить в стороне риторику, даже самые националистические из российских политиков не питают серьезных надежд на присоединение отпавших территорий, а среди простых россиян вряд ли кто-либо жаждет опять взвалить на себя соответствующую ответственность и расходы. Но хотя Россия никогда больше не будет «владеть» Центральной Азией, она, безусловно, сохранит серьезное влияние в этом регионе, и на то есть целый ряд причин. У нее очень протяженная граница с Казахстаном и не очень большая с Киргизией; в Центральной Азии, преимущественно в Казахстане, проживают около 6,5 млн этнических русских (а также других славян и немцев), а в ряде северных областей последнего они составляют подавляющее большинство населения. Центральноазиатские элиты остаются русскими по языку и культурной ориентации (хотя ситуация начнет постепенно меняться после 2009 г., когда в самостоятельную жизнь войдет первое послесоветское поколение), и до сих пор в России работают и учатся тысячи граждан центральноазиатских государств. Россия чрезвычайно заинтересована в стабильности этого региона, а лидеры центральноазиатских стран, со своей стороны, отдают себе отчет, что – по чисто географическим причинам – именно к России они обратятся за помощью (и в ней будут, скорее всего, искать убежища), если их власти будут угрожать народные волнения. Наконец, не будем забывать, что – при всех разговорах о многообразных проблемах России и ее упадке – государства Центральной Азии буквально во всех отношениях еще слабее и еще менее стабильны. И последнее: сила понятие относительное, и, несмотря на то что Россия все больше отстает от Запада и Китая (а в недалеком будущем, вероятно, и от Индии), она остается внушительной

силой в Центральной Азии, хотя это единственное место в мире, где она все еще может рассматриваться как великая держава².

Открытие Центральной Азии

Время безраздельного доминирования России ушло навсегда, и этот момент отмечает каждый из авторов этой книги. Соединенные Штаты и Европа утвердили свое политическое присутствие в Центральной Азии, и так же поступили Китай, Индия, Иран, Израиль, Пакистан и Турция. Эти страны не только утвердили свое политическое присутствие, но и стали торговыми партнерами и источниками инвестиций, и последнее особенно заметно в нефтегазовом секторе Казахстана. Китай, в частности, приобрел сильные позиции здесь в том числе и потому, что считает этот регион критически важным для стабильности его Синьцзян-Уйгурского автономного района, где традиционно обитают недовольные китайским господством уйгуры (исповедующий ислам народ тюркской группы), родственные народам, населяющим Центральную Азию. Кроме того, возникли новые связи в области туризма и образовательного обмена, программы военной подготовки и новые транспортные каналы. Нефтепровод Баку-Джейхан и строящийся нефтепровод, по которому нефть из Казахстана будет перекачиваться в Китай, являются примерами усиления потоков товаров и людей по оси Восток-Запад и ослабления доминирования характерной для имперского периода оси Север-Юг. И это всего лишь начало неодолимого процесса.

И не только государства вторгаются туда, где безраздельно властвовала Россия. В регионе уже утвердились многонациональные корпорации (прежде всего, конечно, энергетические): в одном только Казахстане, являющемся региональным лидером по притоку иностранных инвестиций, вложения в энергетический сектор выросли от 1,8 млрд долл. в 1999 г. до 2,4 млрд долл. в 2004-м³. НАТО через свою программу «Партнерство ради мира» установило связи с государствами этого региона в области безопасности, что поддерживает тревогу и опасения у России и Китая. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) начала принимать активное участие в разрешении конфликтов и контроле за соблюдением прав человека в этой и в других частях постсоветского пространства. Европейский союз (ЕС) распространил свое политическое и экономическое влияние на Центральную Азию, и точно так же поступили различные неправительственные организации, специализирующиеся в разрешении конфликтов и в контроле за соблюдением прав человека, такие как Amnesty International, Freedom House и International Crisis Group. В области религии и культуры Иран, Турция, арабские государства, а также различные исламские организации помогают строить мечети, поставляют учебную литературу по исламу и открывают образовательные возможности для желающих получить как религиозное, так и профессиональное образование. А есть еще Интернет, эта великая технология преобразований. При самом диктаторском правительстве жители Центральной Азии благодаря Интернету получили альтернативный источник информации и механизм установления контактов с международными группами и передачи во внешний мир сведений о происходящем внутри страны. Если бы не это, мир с большой задержкой узнал бы о кровавой расправе с демонстрантами в Андижане в мае 2005 г., да и узнал бы только то, что отвечало бы интересам президента Узбекистана Ислама Каримова. И последнее – по порядку, но не по значению – Центральная Азия оказалась включена в деятельность самых разных по природе международных сетей – от Хизб ут-Тахрир, стремящейся к созданию мирового халифата, до организаций торговцев наркотиками и живым товаром. Эти силы легко проникли в этот регион, потому что плохо охраняемые границы стали проницаемыми, а это означает, что все происходящее в Чечне, Афганистане и в Персидском заливе может непосредственно воздействовать на стабильность режимов в Центральной Азии. Нравится нам это или нет, этот регион стал частью мира.

Нужно ясно представлять себе общую картину того, о чем идет речь в этой книге: за поразительно короткое время множество государств, компаний, неправительственных организаций

(НПО) и транснациональных организаций внедрились в регион, в котором Россия обладала почти неограниченной властью или, по крайней мере, доступ в который она жестко контролировала. В течение ста лет властная Россия определяла (но не полностью контролировала) условия, на которых «внешний» мир мог влиять на политику, экономику, культуру и стабильность Центральной Азии. Доминирующими были вертикальные связи, соединявшие метрополию и периферию, и они исключали или, как минимум, строго ограничивали развитие горизонтальных связей. После 1991 г. мы стали свидетелями быстрого разрушения имперской структуры и возникновения множества разнообразных связей, соединивших Центральную Азию с восточными, южными и западными регионами. Бывший сюзерен стал одним из множества игроков и по ряду позиций – в силу ослабления своей экономической и военной мощи – уступает внешне-запно объявившимся конкурентам. Эта сквозная тема объединяет три главы этой книги.

Пытаясь дать емкое и выразительное определение происходящим историческим переменам, некоторые называли их «новой Большой игрой», заимствовав у Редьярда Киплинга выражение, которым он обозначил в романе «Ким» происходившее в этой части мира в последние десятилетия XIX в. противостояние Российской и Британской империй. Но этот яркий образ не соответствует новой реальности. Начнем с того, что сегодня нет империй, конкурирующих за влияние в Центральной Азии; главными участниками событий являются национальные государства. Сегодня целью соперничества не являются господство над народами или захват территорий. Мы вышли из эпохи империй (когда-то «империализм» звучал гордо, а сегодня это оскорбление), и в наши дни завоевание и захват территорий неосуществимы и незаконны: любые попытки вернуться к прошлому встретят осуждение и сопротивление. Более того, соперничество двух великих империй сегодня сменила борьба за влияние (отнюдь не за контроль), в которой участвует множество государств, весьма далеких от христианско-европейской традиции, поскольку игроками на центральноазиатской сцене сегодня являются Китай, Индия, Пакистан, Турция, Израиль, Иран и всевозможные арабские государства. Китай, Индия, Пакистан и мусульманский мир, которые в XIX в. сами были объектом имперского контроля или доминирования, в XXI в. стали активными участниками борьбы за влияние в Центральной Азии, и то же самое относится к Израилю, появившемуся на карте в процессе трансформации империи. В идущей сегодня центрально-азиатской драме перечень действующих лиц отличается куда большей пестротой, чем во времена Киплинга. Нельзя сказать, что в Большой игре совсем не участвовали никакие негосударственные организации, но там не было ничего похожего – по структуре или задачам – на НАТО, ЕС, ОБСЕ и Международную группу по предотвращению кризисов. Более того, в XIX в. соперничество между Британией и Россией привело к договоренности о разделе территорий и сфер влияния. В сегодняшней Центральной Азии такое невозможно. В результате в гонке за выгодами участникам придется довольствоваться выигрышем в одних областях и соглашаться на малое или даже нулевое влияние в других. Поэтому образ Киплинга, сколь угодно емкий и выразительный, может только ввести в заблуждение.

Центральная Азия открылась для большого мира, и это окажет огромное влияние на жителей и государства этого региона. С одной стороны, перед здешними людьми открылись невообразимые возможности. Сегодня они могут перемещаться по всему миру, что при советской власти было совершенно немыслимо или доступно лишь немногим, заслужившим особое доверие; в результате они познакомятся с новыми идеями и стилями жизни в других странах. И это существенно, даже если на деле лишь малая часть населения Центральной Азии сможет воспользоваться этими возможностями. Знакомство с миром породит зависть, создаст недовольство условиями жизни в своей стране и снабдит новыми политическими идеями, являющимися инструментами понимания и изменения политики; а правительствам придется иметь дело с гражданами, менее податливыми к идеологическим внушениям, чем во времена СССР. Им придется привыкнуть и к тому, что в случае неправильного обращения со своими людьми

им гарантированы шум в прессе и всевозможные неприятности. Вспомните, например, какие последствия имел расстрел в Андижане для и без того скверной репутации режима Каримова или то, как цветные революции в Грузии и на Украине сказались на развитии событий в период революции тюльпанов в Киргизии. Но будущее приготовило для центральноазиатских лидеров не только дурные новости. Поскольку регион становится новой ареной для соперничества, у них появляется пространство для маневра, для поиска выгод и защиты от давления путем стравливания конкурентов – будь это государства или корпорации – между собой.

Ислам и политика

Привлекательность ислама как религии и политической силы, несомненно, будет расти по мере расширения контактов между Центральной Азией и исламским миром – благодаря поездкам в мусульманские страны, программам, предлагаемым мусульманскими правительствами и неправительственными организациями, иностранной помощи в строительстве мечетей и в распространении информации об исламе. Но делать из этого вывод, что неизбежным результатом будет взрыв «фундаментализма» или «вахабизма», было бы чрезмерным упрощением ситуации или некритичным заимствованием формулировок, широко используемых Кремлем и большинством центральноазиатских диктатур. Строго говоря, вряд ли можно исключить перспективу роста революционных движений, находящихся под влиянием определенных форм ислама; фактически, они уже заявили о своем присутствии, о чем свидетельствует исламское движение Узбекистана (вроде бы подавленное после падения талибского режима в Афганистане) и продолжающее свою деятельность Хизб ут-Тахрир.

Но на огромном пространстве от стран Магриба до Малакки существует много разновидностей ислама, а 1,3 млрд мусульман очень несхожи между собой. Поэтому нельзя с уверенностью предсказать, как именно ислам повлияет на политическую ситуацию в Центральной Азии. Определенно можно сказать только, что культурно-исторические тенденции, которые должны были реализоваться давным-давно, будут реализованы в наше время. В XIX в. Россия завоевала Центральную Азию и прервала ее взаимодействие с исламским миром. Теперь этот процесс возобновился и будет идти намного быстрее, чем это было возможно при технологических возможностях позапрошлого столетия, а потому ислам будет одним из важнейших факторов развития мысли и поведения в Центральной Азии. А уж какую именно форму примет ислам, будет зависеть от политических обстоятельств и культурных особенностей каждой страны – например, традиционно ислам играет большую роль в тех частях Центральной Азии, где господствовали традиции не кочевой жизни, а оседлой, – и от результатов соперничества между разными формами этой религии. Тем не менее жители Центральной Азии получают от ислама новую интеллектуальную схему для понимания таких животрепещущих проблем, как коррупция, неравенство, межэтническая вражда и угнетение, а также инструмент мобилизации для борьбы с режимами, не умеющими совладать с этими явлениями.

Перспективы диктаторских режимов

Гегемония марксизма-ленинизма осталась в прошлом. Эпоха тоталитаризма кончилась. Центральноазиатские правящие элиты не смогли выдвинуть альтернативу, способную овладеть умами и сердцами. Даже самые репрессивные из режимов, возникших на обломках СССР – в Туркмении и Узбекистане, не способны проводить политику идеологического контроля масс, а их институциональная слабость, рождаемая зависимостью от продолжительности жизни диктатора, сулит им достаточно непродолжительную жизнь. Любой диктатор привлекателен, только пока он жив.

Более того, глобализация делает открытость незаменимым ингредиентом экономического развития и конкурентоспособности, а это, в свою очередь, затрудняет проведение политики репрессий и повышает сопутствующие ей издержки. Установление цензуры в Интернете для контроля доступа к информации и наказание инакомыслящих – это верный путь к застою. К этому же ведет попытка сделать систему образования инструментом увековечения режима, а не механизмом образования и подготовки людей к жизни в современном мире (крайним примером является Туркмения, где главным предметом стал примитивный трактат президента Сапармурата Ниязова «Рухнама» – «Книга души»). Железный закон таков: чем крепче диктатура, тем меньше шансы страны на экономическое развитие. Это может мало заботить местных диктаторов, главной целью которых является сохранение власти, но это не может не тревожить народы Центральной Азии.

В зависимости от экономических и политических особенностей страны можно с большой степенью уверенности рассчитывать еще на три результата. Во-первых, политические системы, слабые в силу того, что их единственной опорой является личность всемогущего лидера, обречены на кризис наследования, поскольку неясны как правила игры, так и процедуры передачи власти. Поэтому всякая смена власти создает условия для соперничества за пределами легального институционального поля, что чревато неопределенностью и даже беспорядками. Очевидно, что подобная перспектива особенно реальна для Туркмении и Узбекистана, хотя и все остальные страны не вполне избавлены от нее. Во-вторых, чем основательнее политические институты предотвращают подлинное участие и душат народное представительство и выражение общественных интересов, тем меньше перспектив у умеренных политических сил и тем больше вероятность того, что в подполье разовьется радикальная оппозиция. Это уже можно наблюдать в Узбекистане, особенно в Ферганской долине, отличающейся от других частей страны большей бедностью и более высокой плотностью населения, где ислам обладает большим потенциалом в качестве религии и средства мобилизации и выражения недовольства. В-третьих, все зависящие от нефти экономики способны обеспечивать быстрый экономический рост, но при этом неизменно порождают сопутствующие патологии, такие как: концентрация власти в руках государства, пронизывающая все общество коррупция, потеря конкурентоспособности в неэнергетических секторах (так называемая «голландская болезнь») и сопротивление экономическим реформам. Причина всего этого в том, что руководству легче тратить нефтяные деньги, чем принимать трудные и порой небезопасные решения⁴.

Пекин и Москва: настоящее против будущего

Отмеченные выше характеристики сулят Центральной Азии довольно мрачное будущее. Они же создают глубоко укорененные источники нестабильности. Последняя проблема – политические потрясения – особенно значима для соседних стран: России и Китая. Россия была не просто империей, но еще и континентальной империей (подобной Оттоманской и Габсбургской), а не морской (такой, как Британская, Французская, Испанская и Португальская). Со стратегической точки зрения разница очень важна. В принципе метрополия морской империи в состоянии избавиться от своей периферии, хотя процесс – как показала история ухода Франции из Индокитая и Алжира – может оказаться длительным и кровавым. В континентальных империях бывшая метрополия, напротив, остается в прочной связи с бывшими колониями, а потому ей бывает непросто защититься от беспорядков в своих бывших владениях, и дело здесь не только в географии⁵. Такова судьба России. Она обречена участвовать в делах Центральной Азии, и региону предстоит смириться с этим будущим: развод невозможен. Аналогичная ситуация с Китаем, для которого Центральная Азия стала стратегическим западным флангом. Роль Китая в торговле и инвестициях растет; этот регион важен для него (пусть и в последнюю очередь) как источник энергии, необходимой для поддержки экономического бума, а также как коридор, ведущий к Синьцзяну, беспокойной провинции, далеко отстоящей от центра власти, расположенного на востоке страны. В свете этого не должны удивлять усилия, прилагаемые Пекином для усиления своего влияния в Центральной Азии и создания соответствующих институциональных механизмов, таких как основанная по инициативе Китая и России Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

В настоящее время у России и Китая есть совпадающие интересы, в основе которых лежат: тревога из-за американского военного присутствия в регионе, символизируемого доступом США к киргизскому военному аэродрому Манас, плюс к этому озабоченность перспективами исламского радикализма в Центральной Азии и «стратегическое партнерство», возникшее в ответ на однополярный мир с американским доминированием. Но все это может измениться и, вероятно, изменится. Военное присутствие США со временем станет менее значительным, возможно, даже сойдет на нет, поскольку очень маловероятно, что Центральная Азия надолго останется стратегическим приоритетом в глазах Вашингтона, да она и не стала бы им, если бы не 11 сентября. Уход американцев и смещение баланса сил между Россией и Китаем в пользу последнего может в ближайшие десятилетия изменить планы Москвы и Пекина.

Здесь интересен следующий вопрос: придет ли на смену нынешнему партнерству острое соперничество, или Россия, осознав ограниченность своих сил, постепенно принорвится к китайской гегемонии в этом регионе, так что в итоге мы получим исторический процесс, в начале которого Москва соглашается на соперничество ряда государств в давнишней сфере своего влияния (что она в настоящее время делает по необходимости), а в конце признает верховенство одного из них. На данный момент, когда Россия сохраняет свою базу в Канте (Киргизия), получает доступ к узбекским базам (по пятам событий в Андижане, после которых Узбекистан разорвал сотрудничество с Соединенными Штатами) и на равных с Китаем действует в рамках ШОС, такой итог не кажется вероятным. Но в долгосрочной перспективе довольно велика вероятность того, что Китай вытеснит Россию в качестве преобладающей внешней силы из Центральной Азии. Важно лишь как это произойдет – мирно или со скандалами.

Очень невелика вероятность того, что позицию гегемона в Центральной Азии займет кто-то другой вместо Китая. В первые годы после окончания холодной войны было много разговоров об амбициях Турции и ее естественных преимуществах в Центральной Азии (культурная, языковая и религиозная близость к народам этого региона). Но поглощенность Тур-

ции внутренними проблемами, ограниченность ее экономических возможностей и отсутствие географического доступа к Центральной Азии продемонстрировали, что ее реальные возможности здесь невелики. И чем больше центральноазиатские режимы узнавали о Турции, тем меньше они на нее рассчитывали. Иран, со своей стороны, мог иметь некоторые преимущества в Таджикистане, но даже здесь, посредничая в 1997 г. в достижении договоренностей, приведших к окончанию гражданской войны, он действовал как партнер Москвы. В любом случае, Тегеран не проявил большой склонности жертвовать выгодными отношениями с Россией ради укрепления своих позиций в Центральной Азии, где он утвердил прочное, но малозаметное присутствие.

О статьях

Многие из кратко обозначенных выше сквозных тем существенно более подробно рассматриваются ниже в статьях, написанных Евгением Румером, Дмитрием Трениным и Хуашеном Чжао. Помимо того, что каждый автор внес в эту книгу свои знания и своеобразный подход к анализу, стоит отметить и то примечательное обстоятельство, что три автора – из России, Китая и Соединенных Штатов – пришли к разительно близким выводам по многим ключевым вопросам, и это при том, что они рассматривали быстро изменяющуюся часть мира из трех мировых центров и каждый со своей особой точки зрения. Чтобы не опережать авторов, я посвящу остальную часть введения тому, чтобы кратко осветить их основные аргументы.

Евгений Румер напоминает нам тот примечательный факт, что Соединенные Штаты проявляют активность в Центральной Азии только с конца 2001 г., а на протяжении 1990-х гг. Вашингтон почти не обращал внимания на этот регион. Точнее говоря, Соединенные Штаты поддерживали экономические реформы, основанные на принципах рынка и частной собственности; поддерживали политическую и военную активность Турции в этом регионе, потому что рассматривали ее как противовес Ирану; и содействовали установлению связей между Центральной Азией и НАТО в рамках программы «Партнерство ради мира». Более существенным было то, что Соединенные Штаты финансировали вывоз и уничтожение советского ядерного оружия из Казахстана в рамках так называемой инициативы Нанна-Лугара. Но в сравнении с ролью Соединенных Штатов в Европе, Персидском заливе или на Дальнем Востоке их стратегическое вмешательство в Центральной Азии было очень ограниченным. Недемократичность здешних режимов была расценена как потенциальное бремя, а академические и политические круги сочли, что их репрессивный характер не сулит ничего, кроме неприятностей (и этот подход вряд ли изменился).

Это пренебрежительное отношение было отброшено после 11 сентября 2001 г. Центральная Азия превратилась в ключевой центр логистической поддержки американской войны против талибов, проведения операций по подавлению терроризма и усилий по созданию стабильности. Никто в 1990-х гг. не сумел бы предвидеть, что Соединенные Штаты развернут военные базы в Киргизии и Узбекистане. Вашингтон холодно отнесся к настойчивым попыткам узбеков координированно проводить антирусскую политику. Сходным образом, приветствуя на словах многообещающую демократию в Киргизии, Вашингтон оказывал этой стране очень скромную материальную поддержку. После 9 сентября 2001 г. неодобрение диктаторского режима Каримова и озабоченность вопросом о правах человека сменились реальной политикой, и Центральная Азия заняла видное место в стратегических расчетах американцев.

Результатом более тесного контакта стало взаимное разочарование. События в Андижане действовали на обе стороны как холодный душ. 13 мая 2005 г. в расположенном в Ферганской долине городе Андижане около 10 тыс. человек собрались на митинг протеста против ареста 23 местных торговцев, которых режим Каримова обвинил в принадлежности к экстремистской исламской организации Хизб ут-Тахрир. Вызванные местной властью войска открыли огонь, и были убиты сотни людей (точные цифры неизвестны). Каримов заявил, что погибло только 189 человек и что убили их так называемые экстремисты, что было явной ложью. Соединенные Штаты после недолгих колебаний осудили действия властей и призвали к проведению независимого расследования. В ответ Каримов в июле того же года лишил США доступа к военной базе Карши-Ханабад. Каримов уяснил, что у американской реальной политики есть свои границы, а изгнание американцев с военной базы Карши-Ханабад показало Вашингтону, что его присутствие в регионе держится на шатком фундаменте и что Россия хоть и ослабла, но вряд ли ушла со сцены. Имперская традиция, сохранение коммуникаций по оси Север-Юг, значимость России в качестве торгового партнера, русифицированность местных элит и

страх центральноазиатских диктаторов, что американцы станут опорой демократических движений, – все эти факторы позволили России сохранить существенное присутствие в Центральной Азии, а богатство, ставшее следствием роста нефтяных цен, дало Кремлю возможности для его расширения.

По мнению Румера, Соединенные Штаты, со своей стороны, должны учитывать по меньшей мере три следующих обстоятельства. Во-первых, они должны подчинить преданность демократии необходимости иметь дело с недемократическими режимами этого региона, который стал столь значимым для безопасности Америки. Во-вторых, Вашингтон должен не только соперничать с Россией и Китаем, но и сотрудничать с ними. С одной стороны, обе страны стремятся усилить свое влияние в регионе и ослабить американское, но, с другой стороны, они являются важными игроками и без их сотрудничества Соединенным Штатам не добиться здесь устойчивых результатов. В-третьих, Соединенные Штаты должны взвешивать издержки и выгоды от углубления своей вовлеченности в дела региона, отличающегося множеством ловушек и склонностью к потрясениям и в результате сулящего массу неприятных сюрпризов. Андижан и стал напоминанием о всех этих опасностях.

Статья Дмитрия Тренина начинается с указания на чрезвычайно важный факт: соседство. На русском политическом сленге бывшие советские республики именуются «ближним зарубежьем». Из анализа Тренина ясно, что Центральная Азия – это «самое близкое зарубежье»: протяженность длиннейшей в мире российско-казахстанской границы составляет 7500 км, а приволжская мусульманская республика Башкирия отстоит от нее всего на 50 км. Оказалось, что вопреки лозунгу, что глобализация сделала расстояние малосущественным, близкое соседство все еще играет роль – и огромную. Более того, стратегическое значение, созданное географией, усиливается под давлением демографии. В России живет около 25 млн мусульман (оценка спорная и зависит от того, кого учитывают, а кого исключают), и, хотя не стоит автоматически предполагать в них сторонников мусульман Центральной Азии, игнорировать этот фактор было бы явной глупостью – слишком многое зависит от будущего политического развития России и Центральной Азии. Тренин отмечает и проблемы, создаваемые Центральной Азией для России: речь идет о наркотиках, которые попадают в Россию из Афганистана через Центральную Азию. Учитывая, что наркомания превратилась для России в тяжелую проблему, а с ней пришла эпидемия СПИДа, понятно, почему эта необычная угроза безопасности так раздражает Кремль.

Тренин совершенно верно, на мой взгляд, отвергает апокалиптический сценарий русского ирредентизма (это особенно тревожит Казахстан с его славянским большинством в ряде северных областей) или насильственного присоединения. Москве, подчеркивает он, нужна сфера влияния, но она не стремится к присоединению территорий. Это не пустое различие. Можно осуждать желание России иметь решающий голос в делах Центральной Азии, но в свете истории и политических реалий в этом нет ничего необычного: вспомните традиционную политику Соединенных Штатов в отношении Латинской Америки или усилия Британии сохранить влияние в бывших колониях через механизм Британского содружества.

Стремление России иметь сферу влияния объясняет ее растущую двойственность в отношении к присутствию США в Центральной Азии, и это важный элемент в подходе Тренина. С одной стороны, Москва – пусть и неохотно – понимает, что американское военное присутствие в регионе стало неизбежным следствием начатой после 9 сентября кампании по унижению Талибана и установлению в Афганистане стабильного дружественного режима. Учитывая неприязнь Москвы к враждебным ей воинственным талибам, она, пожалуй, была даже в известной степени рада появлению американцев. Тренин полагает, что в целом Кремль и до сих пор предпочитает присутствие американцев, поскольку альтернативой стало бы восстановление власти талибов в Афганистане.

Тем не менее, как показывает Тренин, Россия при поддержке Китая подозрительно относится к долговременным планам Америки и полна решимости не допустить постоянного присутствия американцев в этом регионе, и это отношение сквозит в той раздражительности, которая стала характерна для отношений между Москвой и Вашингтоном. Об этом же свидетельствуют активность в рамках ШОС, русские базы в Канте, Киргизия, и в Айни, Таджикистан, и быстрое налаживание отношений со своевольным Узбекистаном. С точки зрения Тренина, России нужны не демократические правительства, а стабильные и больше всего она боится длительной нестабильности в своих бывших южных провинциях. России удобно иметь дело с имеющей советские корни элитой, которая правит в этом регионе. Проблема для Москвы только в том, что во всех странах Центральной Азии настало время смены лидеров (революция тюльпанов в Киргизии уже осуществила это, и пыль еще не до конца осела), и все еще велика вероятность того, что этому будет сопутствовать длительная неопределенность или потрясения. Поэтому для Москвы чрезмерная вовлеченность сопряжена с опасностью стать заложником подобных событий.

Вопреки распространенному мнению, что китайское руководство осуществляет коварную стратегию, направленную на установление своего доминирования в Центральной Азии, Хуашен Чжао утверждает, что у китайских руководителей, напротив, отсутствует ясный всеобъемлющий план и нет единого мнения, а потому политика представляет собой бессистемный набор разных по стилю мероприятий. Однако стоит вспомнить ту методичность, с какой Пекин внедрился на нефтяной рынок Центральной Азии – не пожалел ни сил, ни денег для покупки нефтяных фирм Казахстана и для прокладки трубопроводов, – и будет трудно избежать вывода, что по крайней мере в этой области Китай действует обдуманно и целенаправленно. Нефтяная дипломатия Пекина в Центральной Азии явно нацелена на то, чтобы обеспечить себя надежными источниками нефти, которую можно было бы доставлять по защищенным внутренним коммуникациям, чтобы поменьше зависеть от беспокойного и непредсказуемого Персидского залива, морские поставки из которого могут быть в любой момент прерваны в силу случайных катастроф или враждебной политики. Центральная Азия, конечно, не решает всех проблем, но она определенно полезна. Несмотря на эту методическую оплошность в случае энергетического сектора, Чжао подчеркивает момент, имеющий особую важность в свете склонности видеть в Китае врага, которого следует сдерживать всеми мерами. Он отмечает трудности, с которыми Китай сталкивается в Центральной Азии, а для обоснования своего утверждения, что у Пекина нет последовательного плана действий в Центральной Азии, он отмечает, что китайские ученые все еще страдают от нехватки информации и исследовательских данных. Если это отнести и к правительству, то не стоит предполагать, что Пекин действует уверенно и расчетливо, тогда как его соперники в Центральной Азии все только спотыкаются и ошибаются.

Китай столкнулся с тем – и Чжао это подчеркивает, – что хотя Центральная Азия больше не является вражеской территорией, как это было на протяжении длительного времени после Второй мировой войны, когда здесь были размещены советские войска и Кремль имел возможности заварить бучу, взбунтовав уйгуров, но регион этот достаточно проблемный. Начать с того, что протяженность границ Китая с Казахстаном, Таджикистаном и Киргизией превышает 2250 км, а после того, как возобновилось движение по железным и автомобильным дорогам, она стала открытой – и есть планы строительства новых дорог, а потому Китай вынужден считаться с тем фактом, что все, что происходит в Центральной Азии, может перехлестнуть в западную провинцию Синьцзян.

Чжао не оставляет нам сомнений в том, что является самой большой головной болью для Пекина: уйгурский национализм и опасность того, что он может усилиться благодаря большей проницаемости границ, так как изгнанные в Центральную Азию уйгурские националисты могут перенести свою деятельность на восток, в Синьцзян. Помимо уйгурского национализма,

Пекин подозрительно наблюдает за исламистскими движениями в Центральной Азии. Есть понимание того, что укрепление талибов может взбаламутить всю Центральную Азию и повлиять на развитие событий в мусульманском Синьцзяне, где, несмотря на настойчивую политику насаждения китайской культуры, уйгуры сохранили чувство культурной идентичности. Таким образом, медленное усиление взаимозависимости между Китаем и Центральной Азией – это, в своем роде, есть нечто обоюдоострое⁶. Растет влияние Китая в Центральной Азии, но растет и его уязвимость в случае неблагоприятного развития событий. И это, как показывают Румер и Тренин, верно и для двух других стран – России и Америки.

Примечания

1. Alexander J. Motyl, *Imperial Ends* (New York: Columbia University Press, 2001).
2. Эту мысль я развиваю в работе “After Empire: Russia and the Southern ‘Near Abroad’,” in *The New Russian Foreign Policy*, ed. Michael Mandelbaum (New York: Council on Foreign Relations Press, 1998), ch. 3.
3. См. “The EU’s Relationship with Kazakhstan,” http://ec.europa.eu/comm/external_relations/kazakhstan/intro/index.htm.
4. О проблемах, характерных для богатых нефтью стран, см. Robert Ebel and Ra-jan Menon, eds., *Energy and Conflict in Central Asia and the Caucasus* (Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2000); and Terry Lynn Karl, *Paradox of Plenty: Oil Booms and Petrostates* (Berkeley: University of California Press, 1997).
5. О различиях в процессах распада империй см. Hendrik Spruyt, *Ending Empire* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 2005).
6. Медленность – это существенная характеристика: Чжао отмечает, что объем двусторонней торговли невелик, и по самым оптимистичным прогнозам Китай будет получать из Центральной Азии не более 10 % закупаемой им нефти.

I

Соединенные Штаты и Центральная Азия: в поисках стратегии

Евгений Румер

Советский Союз рухнул быстро и неожиданно для всех наблюдавших за развитием событий извне и изнутри страны, которую в течение почти полувека Соединенные Штаты воспринимали как решающий фактор своей внешней политики. К тому времени, когда Советский Союз развалился, противостояние Вашингтона и Москвы стало постоянной чертой американской политики в отношении со страной, занимавшей почти шестую часть всей земной суши. Немногие в сообществе, занимавшемся американской внешней политикой и вопросами национальной безопасности, входившие как в правительственные, так и в неправительственные круги, были в состоянии мыслить о гигантских евразийских пространствах в терминах иных, чем тех, которые диктовались холодной войной. Поэтому возникновение новых пяти независимых государств в регионе, который привычно воспринимался как Советская Средняя Азия, было полной неожиданностью для всех американских экспертов по внешней политике.

Их изумление было вполне оправданным. У Америки прежде не было никаких контактов с этим удаленным регионом, расположенным в самом центре Евразии. Более того, в период новейшей истории эти пять центральноазиатских государств не знали независимости и государственности, и у Соединенных Штатов не было опыта дипломатических отношений с ними. Естественно, что в Соединенных Штатах о них что-то знали только немногочисленные эксперты. У этих новичков международной арены было крайне мало культурных связей с Соединенными Штатами, а у Америки не было практически никаких экономических интересов в этом регионе.

Поглощенное заботами холодной войны – ядерным соперничеством с Советским Союзом и военным противостоянием в Европе – вашингтонское сообщество экспертов по внешней политике сравнительно мало интересовалось тем, что происходило в глубинах Советов. Обусловленная задачами холодной войны всецелая поглощенность противостоянием с мировым коммунизмом оставляла мало возможностей для изучения – и использования – этнических, религиозных и культурных различий, существовавших в Советской империи. Американские эксперты по внешней политике практически игнорировали тот факт, что Советский Союз не был монолитен, что он был испещрен многочисленными трещинами и расколами, и это сказывалось на подходе к изучению и пониманию СССР¹. Аналитический подход, основанный на допущении противоречий, трещин и разломов внутри Советского Союза, создавал опасность отхода от политики, основанной на ожиданиях самого худшего, и, соответственно, риск недооценки советской угрозы. Поэтому допущение о монолитности² Советского Союза было более безопасным подходом к пониманию и выстраиванию отношений с СССР.

Такое представление о Советском Союзе и пренебрежение поиском возможных трещин в монолите мало изменились даже после советского вторжения в Афганистан в 1979 г. – ближайшая дверь из Центральной Азии – в период последовавшей за этим американской политики поддержки движения сопротивления в этой стране³. Этот конфликт и американское участие в нем также рассматривались преимущественно в контексте холодной войны, эпицентром которой была Европа, в силу чего региональным аспектам войны в Афганистане не уделялось достаточного внимания.

Быстрый развал Советского Союза поставил перед американской внешней политикой множество новых проблем, которыми пришлось заниматься не откладывая, так что почти не было времени для осмысления американских интересов и политики – был ряд неотложных вопросов, требовавших немедленного решения. В центре внимания оказались такие вопросы, как: советское ядерное оружие, разбросанное по стране; бывшие советские республики, неожиданно ставшие независимыми; обычные виды оружия и войска, размещенные в Восточной Европе и странах Балтии. Поэтому Центральная Азия опять осталась преимущественно за кадром⁴.

Американская политика в Афганистане была провозглашена успешной, и считалось, что американская миссия здесь окончилась одновременно с выводом советских войск в 1989 г. Это была важная веха в американской политике в этом регионе⁵. После этого творцы американской политики занялись другими, более насущными вопросами: революциями в Восточной Европе; объединением Германии; распадом Советского Союза и будущим России; Ираком и Первой войной в Персидском заливе; распадом Югославии; операциями в Гаити и Сомали, – и это только самые горячие из сюжетов, возникших после окончания холодной войны. К этому еще следует добавить проблемы, возникшие в связи с возвышением Китая как единственного потенциально равного соперника Соединенных Штатов.

В самом деле, распад Советского Союза, пришедшийся как раз на самый разгар этих кризисов – события на площади Тянаньмынь в Китае в 1989 г., война в Заливе в 1991 г. и конфликт в Югославии, – серьезно осложнил ситуацию для вашингтонских политиков. С распадом Советского Союза возникла угроза дестабилизации, обострения этнических конфликтов, распространения оружия массового поражения и потери контроля над гигантскими арсеналами обычного оружия, и все эти проблемы требовали времени и внимания. К тому же еще не закончился вывод советских войск из Восточной Европы. Крах советской системы создал намного больше проблем, чем возможностей, по крайней мере на первых порах.

Более того, распад СССР казался особенно угрожающим из-за того, что в Союзе как раз начались изменения к лучшему – укреплялась свобода слова, политическая система стала более открытой, коммунистическая партия утратила монополию на власть. Вне всяких сомнений, изменения в советской внешней политике вполне соответствовали интересам США – договор о ракетах средней и малой дальности, договор об ограничении обычных вооруженных сил в Европе, вывод советских вооруженных сил из Восточной Европы и поддержка основных требований США во время иракского кризиса 1991 г. Таким образом, распад Советского Союза был событием не только неожиданным, но и во многих отношениях нежелательным⁶.

Из воспоминаний крупных американских государственных деятелей того времени совершенно ясно, что американские политики совсем не хотели расставаться с СССР. Так, бывший Государственный секретарь Джеймс Бейкер описывает позицию американского руководства после провалившегося августовского путча, приведшего к быстрому распаду Советского Союза: «С победой приверженных реформам лидеров центральной власти (Горбачев) и республик (Ельцин)... можно было рассчитывать на более энергичное продолжение реформ»⁷. Из воспоминаний Бейкера следует, что Вашингтон не готов был отказаться от идеи спасти систему мирного сосуществования и сотрудничества между федеральным правительством Советского Союза и республиками даже после августовского путча и даже после того, как развитие событий ушло за точку невозврата.

В качестве основных принципов политики США в отношении бывшего Советского Союза команда Бейкера смогла предложить лишь следующие пять пунктов:

1) мирное самоопределение в соответствии с демократическими ценностями и принципами;

2) уважение существующих границ, а все изменения должны осуществляться мирно и на основе взаимного согласия;

3) соблюдение норм демократии и принципа верховенства закона, особенно в отношении результатов выборов и референдумов;

4) соблюдение прав человека, особенно в отношении меньшинств;

5) соблюдение международных законов и обязательств⁸.

Что было хорошо для Германии на момент ее объединения – происходившего почти одновременно с распадом Советского Союза – было хорошо и для республик, образовывавших СССР, включая среднеазиатские.

Помимо всего прочего, кто бы додумался в разгар всех этих кризисов обратить внимание на Центральную Азию? Регион чрезвычайно удаленный, новый, практически неизвестный американским политикам, да еще на фоне множества острых проблем – все это гарантировало, что он мог привлечь обостренное внимание американских политиков только в случае, если бы там произошло нечто экстраординарное.

После конца истории

Умонастроение, господствовавшее после окончания холодной войны, мешало включению Центральной Азии в список высших приоритетов вашингтонской внешней политики. С окончанием холодной войны окончилось грандиозное идеологическое противостояние либеральной демократии и коммунизма. Сформулированный Фрэнсисом Фукуямой знаменитый тезис о «конце истории» сулил перспективу всемирного торжества либеральной демократии как единственной законной формы политической и общественной жизни, способной гарантировать долговременную стабильность многим странам, которым в противном случае угрожали внутренние потрясения⁹.

«Конец истории» означал и триумф рыночного капитализма над централизованным планированием в качестве единственного подхода к организации экономической жизни, особенно в государствах, возникавших на развалинах Советского Союза. В условиях быстрых технологических изменений принципы свободного рынка стали фундаментом глобализации, открывшей двери для охватывающего весь мир потока идей, людей, товаров, капиталов и технологий. Законы глобализации, согласно тогдашнему консенсусу, не терпят вмешательства правительств в работу свободных рынков, которые при всех условиях так или иначе восторжествуют¹⁰.

«Конец истории» – триумф либеральных идей – сулил волну демократизации, которая, в свою очередь, должна была привести к большей подотчетности правительств гражданам и к лучшему пониманию гражданами своих национальных интересов. А это, в свою очередь, должно было способствовать распространению свободных рынков, необходимых для успеха глобализации. Неизменно бдительные рынки немедленно обнаружат любое отклонение от этих принципов и соответствующим образом отреагируют, так что согрешившие народы и правительства будут должным образом наказаны. В силу этого народы, заинтересованные в долговременной стабильности и процветании – а какой же народ этого не хочет? – неизбежно будут стремиться к свободе рынков и к демократии. Ведь это соответствует их собственным интересам.

Более того, казалось, что глобализация радикально переменяла многие представления о международных отношениях и безопасности. Доступ к ресурсам потеряет прежнюю значимость, потому что рынки накажут тех, кто мешает потоку товаров, капиталов и услуг; войны, особенно большие войны, окончательно останутся в прошлом. А развитие Интернета и чудовищная скорость распространения информации гарантируют, что никто не сможет контролировать обмен идеями или мешать свободному распространению идей.

Есть определенная степень иронии в том, что для Центральной Азии все это означало дальнейшее ее понижение в списке приоритетов американской внешней политики. Глобализация, свободные рынки и либеральная демократия затмили все иные подходы к международным отношениям (включая баланс сил и геополитический), а Центральная Азия и не обещала особых возможностей для распространения либеральных и рыночных идей, и не выглядела особым препятствием для их прогресса. Расположенная рядом с Россией, которая с трудом прокладывала собственный путь к рыночной экономике и демократии, Центральная Азия оказалась в полной тени. Размер России и ее потенциал, не говоря уж о ядерном оружии, гарантировали ей первое место в списке приоритетов американской внешней политики. Если Россия справится с переходом к капитализму, у ее соседей также будут неплохие шансы преуспеть в этом – примерно так понимали тогда ситуацию в Вашингтоне. Если же Россия не справится с этой задачей, она, вероятнее всего, потянет за собой вниз и соседей.

Таким образом, в 1991 г. американские эксперты по внешней политике рассматривали Центральную Азию исключительно в контексте постсоветских преобразований. Ответствен-

ность за формулирование и проведение внешней политики и за поддержание отношений с этим регионом была возложена на Европейское бюро Госдепартамента. То же самое бюро, которое прежде формулировало и проводило американскую политику в отношении Советского Союза, теперь вело отношения со всеми возникшими из него государствами. В 1993 г. Государственный департамент создал временную структуру для ведения отношений с Россией и другими новыми государствами (фактически Бюро), тем самым объединив задачи формулирования политики в отношении Центральной Азии и других постсоветских государств в рамках отдельной бюрократической структуры¹¹.

Принятие в 1992 г. Закона о поддержке свободы (Freedom Support Act) и Программы ослабления опасности (Cooperative Threat Reduction program, 1991) (так называемый закон Нанна-Лугара) обеспечило финансирование – под общим финансовым зонтиком – программ развития и обеспечения независимости бывших советских республик, а также помощи им в обеспечении безопасности и уничтожении оставшегося на их территории советского оружия массового поражения¹². В результате этих важных, но постепенных шагов американская политика в отношении бывших советских республик была склонна упускать из виду их связи с другими соседними странами и регионами – Южной Азией, Ираном и Китаем. Все это считалось вопросом давнего прошлого, абстрактно признаваемого, но редко учитываемого в политических решениях.

На протяжении большей части 1990-х гг. Центральная Азия не была для американских специалистов по внешней политике предметом интенсивного, целенаправленного осмысления. Из-за этого Вашингтон не разработал стратегию логически последовательных, решительных действий в этом регионе. Вместо этого американская политика в Центральной Азии, особенно на первых порах, была инертной, руководствовалась соображениями удобства и учитывала другие факторы, считавшиеся более существенными. В целом Центральная Азия стала элементом американской политики в отношении бывшего советского блока, в которой все было подчинено отношениям Америки с Россией и воспринималось только в контексте происходившего в этой стране.

При этом Россия не была единственным фактором американской политики в отношении Центральной Азии в 1990-х гг. Были и другие, такие как вывоз ядерного оружия из стран бывшего СССР, режим ядерного нераспространения, энергия, поддержка демократии, борьба с терроризмом и Иран, если ограничиться самыми важными.

В случае Центральной Азии проблемой было – и остается до сих пор, спустя пятнадцать лет после обретения ею независимости – отсутствие у Соединенных Штатов ясного видения своих интересов в этом отдаленном и незнакомом регионе. Это отсутствие ясности вряд ли уникально для Центральной Азии и американской политики в отношении ее, но здесь оно очевидно. Здесь над действиями Вашингтона по-прежнему довлеет инерция. Определенность, типичная для подходов холодной войны, и влияние соревнования с СССР оставили искажающее наследие для американской внешней политики: с самого начала 1990-х гг. США пришлось действовать в мире, который перестал быть бинарным, в котором партнеры, противники и интересы оказались намного более сложными и трудноопределимыми.

Насколько важна Центральная Азия для Соединенных Штатов? Следует ли рассматривать этот регион как стратегический плацдарм в сердце Евразии, как мост в Иран, Китай и Афганистан? Или в нем следует видеть объект американской политики продвижения демократии? Ни одно из этих соображений само по себе не оправдывает включения этого региона в список главных приоритетов американской внешней политики и политики обеспечения национальной безопасности. Но взятые в совокупности эти соображения оправдывают сильный интерес США к этому региону.

После окончания холодной войны, когда доминировали другие, более неотложные события в Европе и Азии, эта сложная комбинация интересов не была очевидной. К их пониманию

приходили постепенно, а для полного понимания и оценки их суммарной значимости потребовалось более десяти лет.

Несмотря на совокупный вес американских интересов, Центральная Азия не представляет больших возможностей (подобно России в первый период после окончания холодной войны) и не является потенциально равным по силе соперником (подобно Китаю); она не является ни союзником (как Европа или Япония), ни врагом (как Ирак при Саддаме Хусейне или Иран). В результате Центральная Азия попадает в обширный перечень стран и регионов, которые хоть и важны, но чья значимость для американской внешней политики является продуктом многих, зачастую конкурирующих интересов. В силу этого политика США в этом регионе является отражением множественных интересов и принципов; она не непоколебима, изменяется в соответствии с другими приоритетами, идеологическими предпочтениями и отношениями.

В случае Центральной Азии, региона с глубокими корнями в советском прошлом, эти вновь найденные двойственность и гибкость явились резким контрастом по сравнению с той определенностью, которая характеризовала советско-американские отношения в период холодной войны. Более того, в первые постсоветские годы неопределенность и двойственность были в прямом контрасте с тем, что представлялось хорошо определенной стратегией, имеющей четкий набор приоритетов, которыми направлялись отношения США с Россией. Эти неопределенность и двойственность явились проблемой как для американских политиков, пытавшихся найти устойчивый курс в отношениях со Центральной Азией, так и для лидеров Центральной Азии, которые нуждались в однозначном международном признании и в ясной геополитической ориентации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.